

ко, между прочимъ, и въ разсказѣ въ этихъ разсужденіяхъ не найдете. Это только — его психологическая подкладка. Я думаю, что лучше ясно поставить вопросъ, чѣмъ давать туманныя и пессимныя рѣшенія»...

Надѣюсь, читатель не поспѣуетъ на меня за эти длинныя выдержки, наглядно показывающія, какой интерес имѣютъ данныя письма. Мнѣ остается только прибавить, что редакторъ сборника, А. Б. Дерманъ, снабдилъ ихъ примѣчаніями, въ сжатой формѣ дающими читателю всѣ необходимые комментаріи насчетъ упоминаемыхъ въ письмахъ событій и лицъ.

Въ связи съ этимъ нельзя не отмѣтить однако одной характерной детали. Въ помѣщенныхъ въ сборникѣ письмахъ Короленка встрѣчаются изрѣдка рѣзкіе отзывы о нѣкоторыхъ писателяхъ. Всѣ такіе отзывы напечатаны полностью и полностью же воспроизведены и фамилии лицъ, къ которымъ они относятся. Но — за однимъ исключеніемъ. Въ письмѣ отъ 27 авг. 1916 г. мы, между прочимъ, читаемъ: «Читали ли вы статью X. «Свѣтъ тихій»? Мнѣ зтотъ господинъ не нравится и тогда, когда онъ работалъ у насъ: много риторики и лжи. Теперь онъ претендуетъ на наслѣдство Н. К. Михайловскаго и.. обѣими руками, какъ говоритъ Пѣнехоновъ, составляетъ военные обзоры, въ томъ числѣ для «Правительственнаго Вѣстника». И пошпыиваетъ «Русскіи Записки».. Дѣйствительно — наглая дубина» Господинъ, о которомъ говоритъ въ этихъ строкахъ Короленко, писалъ подъ фамиліей Мстиславскаго. Пишетъ онъ подъ этой фамиліей въ Россіи и теперь, выступая въ качествѣ если не большевика, то союзника большевиковъ, и, очевидно, именно поэтому его литературный псевдонимъ, несомнѣнно, полностью приведенный въ письмѣ Короленка, въ печати пришлось замѣнить невинною буквою X

В. Мякотинъ.

С. Дмитриевскій. Судьба Россіи. -- Письма къ друзьямъ. -- Изд. «Стрела». — На бандероли «Исповѣдь невозвращенца».

Книга С. Дмитриевскаго выходитъ за рамки обычныхъ, ставшихъ уже банальными, публикацій «невозвращенцевъ». Она пытается приподняться надъ фактами личной біографіи авторовъ, одно время за совѣсть, а не изъ страха только, служившихъ большевническому режиму, а сейчасъ въ спѣшномъ порядкѣ покинувшихъ ряды высшей совѣтской бюрократіи, иногда и самой ВКП.

Въ отиціе отъ другихъ, Дмитриевскій принципиально, по моральнымъ и патриотическимъ соображеніямъ, отказывается отъ конкретныхъ разоблаченій режима. Если другіе стремятся показать — или доказать — искренность своего поворота или, если угодно, облегчить свою совѣсть, искреннѣе и частично загляднѣе причинное зло, — Дмитриевскій не изъ ихъ числа. Онъ по преимуществу доказываетъ, что не столько онъ и его взгляды измѣнились, сколько все и всѣ другіе мѣнялись. Мѣнялась историческая обстановка, мѣнялись и измѣнились, по его убѣжденію, большевики, но «невозвращенецъ» Дмит-

риевский по существу и в своей основе оставался в общемъ себя равнымъ и неизмѣннымъ. И объявленный совѣтской властью внѣ закона онъ сейчасъ, какъ и раньше, все тотъ же добрый пародникъ-националистъ, какимъ былъ и до половины 18-го года, когда готовился съ оружіемъ въ рукахъ свергать большевиковъ, и какимъ не переставалъ быть и съ 19-го года, когда вступилъ формально въ ряды единой и единственной ленинской «партии»...

Неподвижностью этой исходной позиціи и опредѣляется и содержание всей книги.

Въ ней меньше всего «исповѣди» и больше чѣмъ нужно проповѣди и поученія, иногда въ формѣ простой деклараціи, иногда — выпрепной декламации. Есть и нѣсколько вызывающая поза, под-сказанная, можетъ быть, сознаниемъ, что «силоюными воплями, безоговорочнымъ отречениемъ отъ всего своего прошлаго» «общественныхъ симпатій въ зарубежной средѣ» не приобрѣтешь. И Дмитриевский всячески старается показать себя «сильнымъ» — національнымъ духомъ, историческимъ зрѣниемъ. А въ результатѣ вмѣсто интересной, но скорбной летописи судьбы «пезовозращенца» получилась кокетливо-претенциозная — по формѣ и по существу «Судьба Россіи». Получилась подмѣла въ маломъ: авторъ себя покрылъ Россіей. И фактическая и психологическая сторона «сдѣлая» съ Дмитриевскимъ безъ остатка растворилась — въ «философіи» исторіи, очень смутной и дешевой, заимствованной у зарубежныхъ «національ-больше-виковъ» и евразійцевъ. — и въ «исторіи», которая свелась къ простому перечню датъ, именъ, мѣстъ, заголовковъ.

«Почему я ушелъ?» — спрашиваетъ Дмитриевский, хотя точнѣе было бы спросить «Почему я ушелъ только теперь, на двѣнадцатомъ году?» И на этотъ, можетъ быть, наиболѣе существенный вопросъ у автора нѣтъ другою отвѣта, кромѣ ссылки на «тавтологію» и «прецеденты»: на молодого Ордына-Нащокина и дядка Котошихина въ 17-мъ вѣкѣ, на кн. Хворостинина въ первой половинѣ 18-го и, конечно, Герцена половины 19-го вѣка. Не больше и не меньше! Авторъ дважды упоминаетъ своихъ предшественниковъ, этимъ явно изболчивая полное непониманіе всего несоответствія — историческаго и морально-политическаго — проводимой имъ параллели.

Если бы Дмитриевский сдѣлался «пезовозращенцемъ» на нѣсколько лѣтъ раньше, помимо политическаго значенія такого акта, и книга его приобрѣла бы громкую популярность и успѣхъ. Какъ живой голосъ «подлинной» Россіи, она была бы незамѣнимымъ кладомъ для національ-большевницкой и евразійской «установки». Теперь же она безнадежно устарѣла еще до своего появленія «Судьба Россіи» перепѣваетъ давно сказанное. Нарочитое же желаніе «говорить красиво» отнюдь не дѣлаетъ сказуемаго болѣе убѣдительнымъ.

Несмотря на переломъ, происшедшій съ Дмитриевскимъ, изъ книги его никакъ не слѣдуетъ, что авторъ полностью осозналъ все различіе между большевnickи-ленинскимъ міромъ и всѣмъ инымъ. Рѣшительно покинувъ тотъ міръ, отчаливъ отъ того берега, онъ все еще

силится оберечь как объективно-цѣнное и святое свои бывше идо-лы и кумиры. Онъ силится соединить несоединимое и раздѣлить недѣлимое: различаетъ между большевизмомъ и Ленинымъ, а Ленина соединяетъ съ національной Россіей, съ исторической русской госу-дарственностью.

Въ этомъ отношеніи Дмитріевскій идетъ, значительно дальше да-же «смѣловѣховскихъ» исторіософовъ. Тѣ склонны были видѣть въ Ленинѣ — безсознательное орудіе исторіи, своего рода «бичъ бо-жій», отвратительный, но необходимый въ силу неумолимыхъ вслѣп-ной русской судьбы. Дмитріевскій же рискуетъ изображать Ленина, какъ положительное, единственное и незамѣнимое явленіе русской исторіи. Для этого онъ проводитъ не только принципиальную разли-цу между благимъ ленинизмомъ и сатанинскимъ сталинизмомъ, но и въ самомъ Ленинѣ различаетъ два лица, двухъ разныхъ Лениныхъ. Такимъ образомъ Ленинъ реальный и исторически данный подмѣня-ется Ленинымъ вымышленнымъ и мифологическимъ.

Надо вообще сказать, что кругозоръ Дмитріевского очень огра-ниченъ, вкусъ — провинціаленъ. Его и Каменевъ поражаетъ своею «образованностью», и Зиновьевъ — своимъ «европейскимъ опытомъ». Онъ увѣренъ, что будущіе историки признаютъ и Сталина «незауряд-нымъ человѣкомъ» — «и какъ писателя, и какъ мыслителя». Есте-ственно, что Ленинъ представляется ему человѣкомъ не только «огром-ной творческой интуиціи», но и «громкихъ энциклопедическихъ знаній». (О томъ, какія знанія кажутся «энциклопедическими» Дмит-ріевскому, можно судить по тому, что, по его мнѣнію, «Что такое третье сословіе? Ничто! И т. д.» — провозглашено «деклассирован-нымъ аристократомъ» Мирабо).

И Дмитріевскій не отрицаетъ, что Ленинъ былъ «упрямый дикта-торъ», «цѣлеустремленный фантастъ, фанатикъ невозможнаго, аван-тюристъ высокаго духовнаго полета», «соціалъ-демократическій царь». Но только до времени, — когда онъ внезапно сдѣлался «національ-нымъ вождемъ»!..

Можно согласиться съ тѣмъ, что Ленинъ былъ «мастеръ компро-миссовъ, великій оппортунистъ», но не «безпринципный проходимецъ», былъ полонъ «горячей любви ко всѣмъ труждающимся, ко всѣмъ угне-теннымъ». Но откуда авторъ взялъ, что Ленинъ былъ «большой рус-скій патриотъ, страстно любилъ Россію»: «Россія нужна ему всегда и вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ... Россія нужна Ленину всегда и вездѣ: и неѣ думаетъ онъ, ея живетъ»?!

Дмитріевскій выискалъ въ писаніяхъ Ленина горькую жалобу на «насилія, гнѣвъ, издѣвательства», которымъ «подвергаютъ нашу пре-красную родину царскіе палачи, дворяне и капиталисты». И эти сеп-тиментально-фальшивыя, едва ли не только на жалостливаго иностран-ца рассчитаннаго слова («наша прекрасная родина») перевѣшиваютъ для Дмитріевского всѣ лепилскія дѣла. Можно ли, однако, счита-ть такой подходъ историчнымъ? И какъ согласовать его съ требо-ваніемъ самого же Дмитріевского, предъявленнымъ Сталину: «мы

вѣдь можемъ и должны судить по дѣламъ, но не по благимъ намѣреніямъ?»...

Жизнь многому научила Ленина, убѣжденъ Дмитріевскій, и «она прежде всего показала ему, что управлять, опираясь только на штыки, нельзя. Кромѣ того, — на что нужна была ему диктатура, власть, если массы родного народа были противъ нея, если она въ какихъ-то отношеніяхъ ихъ не удовлетворяла»? — Не будемъ опровергать предѣльной наивности автора, и по сей день увѣреннаго въ томъ, что Ленинъ почти никогда не ошибался, и скорбно, но правильно при этомъ прибавляющаго: «Здѣсь и сегодня этого не понять. Это вообще трудно понять».

Это, дѣйствительно, трудно понять...

Ленинымъ сейчасъ принято обороняться въ борьбѣ за большевикско-ленинское благочестіе. И Сталинъ, и Троцкій, и Бухаринъ одинаково клянутся именемъ, знаменемъ и твореніями великаго «Ильича», стилизуютъ Ленина подъ себя, изобличаютъ своихъ противниковъ въ худшемъ изъ преступленій — въ «уклонѣ» отъ слова и дѣла учителя. На свой національно-русскій «лѣтучковскій» ладъ стилизуетъ его и Дмитріевскій, рекомендующій себя сторонникомъ «либеральнаго цезаризма европейскаго типа». Изъ всѣхъ формъ стилизаціи это, признаться, — наиболѣе трудная. Здѣсь Ленина приходится вывернуть почти наизнанку, и все же получается въ результатѣ не подлинный Ленинъ, а двойникъ Дмитріевскаго, — какъ въ «Судьбѣ Россіи» получилась лишь апологія судьбы ея автора.

«Мы были жалкими двойниками», пишетъ о себѣ и ему подобныхъ С. Дмитріевскій. «Мы влачили самое жалкое, самое бессмысленное существованіе. Дурманили себя работой, напряженіемъ — чтобы уйти отъ дѣйствительности, не слышать стоновъ подлинной жизни. Лгали, унижались, подличали: все, чтобы что-то такое сохранить..., что-то, чего на самомъ дѣлѣ уже не было». Книга Дмитріевскаго, къ сожалѣнію, не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы онъ уже пересталъ быть «двойникомъ», ибо и сейчасъ полное успокоеніе и выходъ изъ тупика онъ находитъ въ томъ, что «наконецъ, понять, что Ленинъ былъ одно, — «герои» нашихъ дней — другое».

Свершено очевидно, что не вырвавъ изъ себя съ корнемъ почитаніе Ільича, едва ли можно приобрести право обращаться съ морально-политической проповѣдью и поученіемъ къ тѣмъ, кто, вольно или невольно, но «двойниками» никогда не были. Можно и не каяться публично! Но, публикуя книгу, необходимо, хотя бы для себя, свести концы съ началами. Небезполезно было бы также и къ себѣ самому обратитъ «дружескій» призывъ: «Вытряхните въ душѣ своей ядъ коммунистическихъ мыслей!». Не давайте убаюкивать себя пріятными иллюзіями, полурѣшеніями, полумѣрами. Знайте твердо: на полпути остановиться нельзя! Или — или...

М. В.